

общении с крысами уводит нас в область психологии. Общеизвестно, что эти животные, кроме отвращения, вызывают страх, который люди часто пытаются перебороть с помощью смеха, шуток, не всегда, впрочем, уместных. При столкновении с крысами у человека «включается» «юмор висельника», он успокаивает свои нервы и душу вымученным смехом.

По нашему мнению, концепт «крыса» стоит рассматривать как внутри, так и вне художественного контекста. Пастернак, используя в романе этот образ, неизбежно опирался на житейский опыт. Этот концепт одновременно абстрактен и конкретен, это концепт-гештальт, так как он совмещает в себе и рациональное, и чувственное отражение; «крыса» – во многом этнический, точнее, полиэтнический концепт (вспомним, как по-разному оценивают крысу европейская и восточная культуры); его можно отнести и к бытовому, и к художественному: с художественной точки зрения, это концепт непосредственно личного отношения (конечно, не существует чувства с названием «крыса», но само это животное, как, может быть, никакое другое, вызывает у человека целую гамму разнообразных эмоций и переживаний, что и позволяет нам отнести данное

семантическое образование к группе концептов чувств).

Таким образом, концепт «крыса» – это сложная лингвокультурная конструкция, совмещающая в себе личные и этнически обусловленные интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бауэр В. Энциклопедия символов / И. Дюмотц, С. Голловин. – М.: Крон-Пресс, 1998. – 512 с. – ISBN 5-232-00896-X.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с. – ISBN 985-470-165-4.
3. Мифологический словарь. – Смоленск: Русич, 2000. – 464 с. – ISBN 5-8138-0075-1.
4. Мифы народов мира. / Под ред. С.А. Токарева. – М. : Советская Энциклопедия, 1988. – 1455 с.
5. Перцовский В.Д. Сквозь революцию как состояние души (о романе «Доктор Живаго») / В. Д. Перцовский // Новый мир. – 1992. – № 3. – С. 216-217.
6. Плотинина Н.В. Идея жизни в романе «Доктор Живаго» / Н.И. Плотинина // Литература. – 2005. – № 5. – С. 12-23.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Дмитрий Ушаков. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – Т. 2.
8. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л.О. Чернейко // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 73-83.

УДК 81'233

Измайлов А.З.

Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства (г. Люберцы)

СЛОВОТВОРЧЕСТВО: ПОИСК НОВОГО СМЫСЛА*

Аннотация. В данной статье рассматриваются специфические черты и структура процесса словотворчества как поиск новых смысловых оттенков и причины его возникновения в речи взрослых. Делается попытка определить эмоциональное содержание полученных новых слов и степень влияния последних на реципиента.

Ключевые слова: окказионализмы, неологизмы, эмотивная семантика, эстетическая функция.

A. Izmailov
Moscow State Academy of Communal Services
and Construction

WORD CREATION: LOOKING FOR A NEW
MEANING

* © Измайлов А.З.

Abstract. The given article analyses the specific features and structure of the process of word creation (inventing) as a looking for new shades of meaning and also the reasons of its appearance in adult's speech. The try is being made to determine the emotional contents of new words and the extent of their influence on a recipient.

Key words: occasional words, new words, emotive semantics, esthetic function.

Придумывание новых слов, намеренное или спонтанное, то, что мы называем «словотворчество», свойственно практически каждому мыслящему человеку. Этот процесс начинается в детстве, когда ребенок, научившийся говорить, активно пополняет свой словарный запас и про-

должается в течение всего сознательного периода человеческой жизни. Природа детского словотворчества, в отличие от взрослого, часто носит спонтанный характер, более зависит от внешних причин и условий и выражает, прежде всего, денотативную функцию. Так, например, Т.Н. Ушакова описывает случай использования 3-летней девочкой «нового» слова «забайдак»:

«Однажды моя 3-летняя дочь встретила меня с работы со словами: „Ой, мамочка, у меня такой забайдак!“ Выяснилось, что ребенок, слыша вопрос: «Что, Оля, у тебя за бардак в комнате?» – решила, что этим словом „забардак“ и называется беспорядок» [цит по: Ушакова Т.Н., 144]. В другом описываемом автором случае 3-летний мальчик использовал слово «бапум» для обозначения книг. При этом вначале ребенку просто предлагалось назвать демонстрируемый предмет (книгу), а затем повторить вслух само слово, обозначающее последний. В обоих случаях ребенок повторял одно и то же выдуманное им слово. В этом последнем примере мы имеем дело с более ярко выраженным неологизмом, поскольку определение этимологии указанного слова оказывается весьма затруднительным или вовсе невозможным. Что же касается большинства приводимых примеров, то все они, так или иначе, являются производными от уже имеющихся слов, о чем свидетельствует классификация словообразования, данная Т.Н. Ушаковой:

I. «Слова - о с к о л к и»:

1. Лепь (то, что слеplено): «Мы лепили-лепили, и получилась лепь» (3 года 6 месяцев).
2. Пах (запах): «Бабушка, чем это пахнет, какой здесь пах?» (3 года 6 месяцев).
3. Прыг (прыжок): «Собака прыгнула большим прыгом» (3 года 10 месяцев).

II. Прибавление к корню «чужого» окончания:

1. Пургинки (снежинки): «Пурга кончилась, остались только пургинки» (3 года 6 месяцев).
2. Рваность (дырка): «Я не вижу, где на кофточке рваность» (3 года 8 месяцев).
3. Светло (свет): «На полу кусочек светла» (3 года 8 месяцев).

III. «Синтетические слова»:

1. Ворунишка - вор и врунишка (3 года 6 месяцев).
 2. Бананас - банан и ананас (3 года 9 месяцев).
 3. Вкуски - вкусные куски (4 года).
 4. Бабезьяна - бабушка обезьяны (4 года)
- [цит. по: Ушакова Т.Н., 151].

Специфической чертой полученных таким образом слов является их непреднамеренный, спонтанный характер, с одной стороны, и субъективная интенциональность, с другой. Творчески используя грамматические возможности родного языка, ребенок создает новые слова и через них новые оттенки смыслов. Это последнее, т.е. поиск новых смысловых оттенков, стремление точнее и эмоциональнее выразить себя является основной причиной и словотворчества в речи взрослых. Процесс словотворчества или «словопроизводства» [Мурашов А.А., 219] активизируется в начале 90-х годов прошлого столетия в связи с отменой цензуры и появлением так называемой автоцензуры и находит отражение в публицистике и художественной литературе. Исследователи (Мурашов А.А., Жинкин Н.И., Винокур Т.Г.) отмечают резко усилившуюся личностную тенденцию. Авторское «я» обнаруживает не только социальные грани, но и свойства личности. Причину словотворчества можно также охарактеризовать как стремление к так называемому «языковому новаторству» (термин Т.Г. Винокура). В.Г. Костомаров в книге, посвященной современным тенденциям языкового развития, выражает сходную мысль о стремлении журналистов к новаторству: «Популярная сейчас настроенность на изобретательство, на поиск невиданного лучше всего ощутима в словопроизводстве. Возможными оказываются самые причудливые образования».

Итак, поиск и использование слов с новыми смысловыми оттенками, окказионализмов – это с одной стороны, попытка стать новатором в языке, а с другой, привлечь собеседника или слушателя (читателя) к предмету разговора, заострить авторскую мысль и, в конечном итоге, привлечь внимание собеседника к языковой личности автора. Привлечение внимания становится возможным в силу необычной формы найденного слова, которая усиливает внимание собеседника, заставляет его попытаться проникнуть в авторский замысел. Появление окказионализмов, в конечном итоге, продиктовано не столько логическими коммуникативными потребностями, сколько эмотивным состоянием говорящего, его эмоциональным намерением. Эмотивные средства речи, которыми являются и окказиональные слова, выражают определенные психические состояния говорящего, обуславливающие его эмоциональное отношение к предмету, объекту, адресату речи и ситуации общения. Как следствие, мы можем говорить об эмоциональной наполняющей или «эмоциональ-

ной семантике» слова.

Следующие примеры выбраны наугад из газетных статей различных авторов (окказионализмы выделены курсивом):

«Мальчик запомнил поездку в Москву не по походам в мрачно-монструозное здание Центра Блохина и бесконечным поездкам в метро, а по Красной площади с ее бьющими часами на Спасской башне, стрельцами у музея, салютом во всех районах столицы на 23 Февраля, Охотным Рядом, великолепным «Детским миром» с его каруселью и невероятным количеством игрушек...»
[«Новая газета» № 72 08.07.2009].

Авторский окказионализм *мрачно-монструозное* – сложное слово, образованное путем сложения двух слов. При этом второй компонент образуется суффиксальным путем, по аналогии с прилагательными *грандиозный, одиозный* и т. д. Появившееся в результате новое слово реализует экспрессивную функцию языка, усиливая отрицательный эффект качественного восприятия предмета (здания).

Подобные примеры окказиональных слов находим в сатирических произведениях В. Шендеровича:

Своими непростыми впечатлениями от прочтения мемуаров первого Президента России поделился наш поэт-правдоруб Игорь Иртеньев. Осеннее расширение призывного контингента не прошло мимо внимания нашего врача-мозговеда Андрея Бильжо, который продолжает делать свои кардинальные психиатрические предложения Министерству обороны [Шендерович В., 473].

В другом случае для образования нового слова автор расширяет сферу употребления известной основы с помощью префикса:

«Эта цензура скорби будто снова опрокидывает нас в провинциальные, опасливые, трусливые времена..., когда съемки совсем других похорон, ставших великим актом национального самосознания, – похорон Владимира Высоцкого – нельзя было залитовать в ЦК» [«Новая газета» № 69 01.07.2009].

Выделенное слово, по всей видимости, происходит от основы *лито-* (от греч. *lithos* - камень) и имеет контекстуальное значение: ограничить действие или воспрепятствовать последнему. Другой подобный пример приводят в своей работе Г.Е. Крейдлин и М.А. Кронгауз: «Лет 10, может быть, 15 назад появилось слово, которого не было – „растаможка“. Язык использовал существующий корень „тамож-“, связанный с „тамож-

ней“, „таможенниками“ и прочим, и построил совершенно новый глагол с помощью приставки. Возникла потребность этой лексической единицы для совершенно нового понятия, в данном случае – некоторого экономического процесса, и язык подобрал нужные элементы, которые в нем уже содержались. Более того, корень „тамож-“ в русском языке существовал, но присутствовал только в существительных. Так что произошло некоторое нарушение. Но это такое естественное нарушение. Неологизмы часто образуются с мелкими нарушениями существующих правил. Произошло расширение сферы употребления данного корня. Возник новый глагол „растаможить“, а отсюда слова „растаможка“, „растамаживание“ и так далее. Появилось целое словарное гнездо» [Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А., 241].

Во всех продемонстрированных примерах использования новых слов имеет место изменение внешней оболочки слова, его формы. Употребление такого рода окказиональных авторских образований в разговорной речи, как правило, не имеет дальнейшего распространения по двум причинам: 1) несоответствие принципам языковой экономии (учитывая стремление разговорной речи к упрощению) и 2) отсутствие семантической однозначности (появляется возможность различного толкования появившегося слова языковыми субъектами)

Занимательную историю описывает профессор Николай Голев в своей статье «Стихийная узуализация номинативных единиц». На одном шахматном блицтурнире часть специальных шахматных часов была лишена детали, которая находится на задней панели любого будильника и служит для перевода стрелок. И шахматистам приходилось передавать эту деталь друг другу, чтобы выставить стрелки на своих часах перед началом партии. Естественно, им приходилось как-то просить эту деталь друг у друга и, соответственно, называть ее.

«Первоначально наиболее характерными были разговорные формы: *дай мне эту...* (характерный жест вращения пальцами)... *стрелки перевести; ну, эту...* (жест)... *для перевода; у вас время подводить? чем стрелки подводят; шурупчик этот... для стрелок; дай итырек, ну, винтик этот для стрелок; вон ту...* и т.п.

Как видно, существенную помощь в номинации оказывали жесты. Но, разумеется, такие формы номинации были слишком громоздки и неудобны. Постепенно обозначилась тенденция к сужению круга вариантов и формальному уп-

рощению конкурирующих номинативных вариантов. Более простые варианты оказывались конкурентоспособными, они постепенно вытесняли все остальные. На первый план выдвинулись названия типа *заводилка, подводка, переводчик, переводилка, крутилка* и т. п. В конце турнира было довольно заметно преобладание двух: *переводка и переводилка*. Эти два названия победили. Продолжись турнир еще пару дней, и победителем в номинации «номинация» оказалось бы какое-то одно название “переводилки”.

Произошла выработка языковой конвенции – собеседники будто бы договорились, каким словом называть эту самую *переводилку*. Обычно для выработки языковой конвенции для тех или иных слов народу требуется несколько веков. Здесь хватило нескольких дней. Маленький коллектив (спортсмены-шахматисты) совместно решил задачу названия предмета, не имеющего названия. Самое главное – для чего это было сделано? Для того, чтобы осуществлять совместную деятельность с этим предметом – перевод стрелок часов. Таким образом, маленький дружный коллектив мимоходом решил грандиозную задачу, обеспечившую гармоничное проведение турнира: предмету, не имевшему названия, было дано имя. Новое слово стало общим, обиходным для данного коллектива» [цит. по: Кубрякова Е.С., 112].

Итак, процесс словотворчества условно можно разделить на четыре этапа.

Как видно из таблицы, решающее значение в процессе словотворчества имеет проявление коммуникативной функции, т.е. именно воздействие новой языковой единицы на получателя информации или адресата. Вторым по значению является стремление к нарушению языковой нормы (проявление языковой субъективности, стремление к языковому новаторству). При этом полученное новое слово должно иметь более или менее адекватное смысловое восприятие у всех участников коммуникативного акта как в количественном, так и в качественном аспекте. С другой стороны, именно отсутствие адекватности в восприятии

окказионализма участниками диалога, равно как и наличие предпочтения в выборе слова (его звуковой или графической оболочки), инициирует поиск все новых вариантов номинации исходного понятия. Появляющиеся новые лексемы часто не образуют новые смыслы, но демонстрируют стремление к языковой оригинальности (эстетическая функция языка).

Все сказанное выше относится, как уже было сказано, к окказионализмам, т.е. условно новым лексическим единицам, непосредственного, спонтанного свойства. Что же касается собственно неологизмов, то мы подразумеваем под ними действительно новые слова с новым смыслом (который, впрочем, может остаться понятным лишь самому автору), примеры которых мы находим в произведениях В. Маяковского, В. Хлебникова и Д. Хармса и многих других поэтов. Вспомнить хотя бы необычайное стихотворение В. Хлебникова «Кузнечик»:

*«Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пузо уложил
Прибрежных много трав и вер.
- Пинь, пинь, пинь! – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!»*
(Хлебников В., 527)

Или стихотворение «Скупость» Д. Хармса:

*«Пыхот слышался машин.
Дева падала в кувшин.
Ноги падали в овраг.
Леший бегал –
людий враг.
Ночь свистела –
плыл орел.
Дочь мерцала –
путник брел.
Люди спали –
я не спал:
деньги я пересыпал»*
(Хармс Д., 413)

	Суть словотворческой операции	Лингвистический механизм
1	Выделение, осознание нового смысла, требующего найти себе название	Реализация когнитивной функции языка
2	Коллективное или авторское придумывание названия.	Реализация номинативной функции языка
3	Конкуренция вариантов названия	Выработка языковой конвенции (нормативная функция)
4	Победа одного или нескольких вариантов, введение их в языковой обиход	Реализация коммуникативной функции языка.

Как бы по разному не воспринимались читателем слова «зинзивер» (звукоподражательное, сочетающееся со словом «озари»), «лебедиво» (смешение слов лебедь и диво) или «пыхот» (представляющее собой слияние слов «пыхтеть» и «грохот»), они являются более или менее удачной попыткой (это зависит от степени сенситивной адекватности воспринимающего) выйти за границы нормативно-реальной действительности. Другое дело, насколько соответствует образ, инициируемый в воображении читателя новым словом, с тем, который близок самому автору. Другими словами, неологизм имеет тем большую вероятность закрепиться в речевой практике, чем глубже понимание его со стороны реципиента. И, наконец, учитывая подчинительную связь мышления и вербального механизма, можно предположить, что появление всякого неологизма обусловлено существованием некоего смысла, т. е. смысл существует изначально до появления слова, а последнее рождается как результат осознания говорящим указанного смысла, осознания необходимости его вербального выражения.

УДК 808.2

Кудинова Т. А.

Ростовский государственный
строительный университет

СУБСТАНДАРТ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Аннотация. В статье рассматривается анекдот как жанр современной городской речи, анализируются новые языковые факты и исследуются функции субстандартных единиц. Показано, что субстандартная лексика играет важную (иногда ведущую, текстообразующую) роль в юмористическом дискурсе вообще и в дискурсе современного анекдота в частности.

Ключевые слова: юмор, анекдот, субстандарт, жаргон, прагматика.

T. Kudinova

SUBSTANDARD IN HUMOROUS DISCOURSE

Abstract. In the article anecdote is revealed as the genre of the contemporary city speech, the new language facts are analyzed and the functions of substandard units are investigated. The substandard

ЛИТЕРАТУРА:

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: URSS, 2005. – 260 с.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
3. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. Исследование по семиотике, психолингвистике, поэтике: Избранные произведения / Н.И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998. – 364 с.
4. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. М.: Изд-во Флинта, Наука, 2006 – 320 с.
5. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 160 с.
6. Мурашов А.А. Личность и речь: Эпоха кризисов. Воронеж: МОДЭК, 2005. – 317 с.
7. Пинкер Стивен. Язык как инстинкт. Пер. с англ. В. Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
8. Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития – М.: ПЕР СЭ, 2004. – 256 с.
9. Хармс Д. Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука классика, 2005. – 864 с.
10. Хлебников Велимир. Творения. – М.: Сов. писатель, 1987. – 736 с.
11. Шендерович В. Антология сатиры и юмора России XX века. М.: Эксмо, 2000. – 608 с.

vocabulary plays a very important (often leading, text forming) function in the humorous discourse in general and in the discourse of the contemporary anecdote in particular.

Key words: humor, anecdote, substandard, jargon, pragmatics.

Современная филология демократична: ее интересуют не только «привилегированные» тексты, но и такие жанры, как анекдот. В юмористических жанрах недопустимое пять лет назад стало приемлемым. Как отмечают Н.Г. Московцев и С.М. Шевченко [2009, 5-6], речь на грани и чуть за гранью приличий зрителей привлекала всегда. Указанные авторы [2009, 26] обращают внимание на то, что, не понимая сленговых слов и «не зная об уместности употребления, <...> невозможно понимание большинства шуток».

Номинация «анекдот» заимствована в XVIII

* © Кудинова Т. А.